

«Нравственная жизнь требует памяти о прошлом»

Рецензия на книгу: Смирнов А. А. «Поставьте памятник деревне...». Ярославль: Филигрань, 2024. — 448 с., ил.

Л. М. Архипова

Любовь Михайловна Архипова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108. E-mail: Lubov.a2011@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-288-295

Высказывание академика Д. С. Лихачева о том, что человеку тесно жить только в настоящем, его нравственная жизнь требует памяти о прошлом и сохранения памяти на будущее¹, относится в полной мере к Александру Александровичу Смирнову, автору книги «Поставьте памятник деревне...», вышедшей в 2024 году.

Она посвящена советскому периоду жизни населенных пунктов Будущевского и Калининского сельсоветов Покровской волости Буйского района Костромской области. Общее историческое название этих мест — Покров на Удгоде. Отношение автора к негативным сторонам советской истории профильтровано, если можно так сказать, очищено его большой любовью к родному краю и землякам, о чем свидетельствует вся книга, начиная с ее анонса: «Это история сельсоветов и колхозов, где главными участниками исторических событий были наши отцы и деды. Их сложной, очень тяжелой, но вместе с тем жизнерадостной истории посвящена данная книга» (с. 2). А. А. Смирнов хорошо известен на своей малой родине в Костромской области как председатель Буйского историко-родословного общества, командир поискового отряда «Солдаты Победы», автор нескольких книг по краеведению².

«Поставьте памятник деревне...» — это сборник документов, появление которого очень знаменательно для сложившейся историографической ситуации. В последние годы наблюдается рост интереса профессиональных историков и тем более любителей

1. *Лихачев Д. С.* (2000). Русская культура. М.: Искусство. С. 335.

2. *Смирнов А. А.* (2019). Гагарино: история поселка. Краеведческие очерки. Ярославль: Филигрань; *Смирнов А. А.* (2022). Покров на Удгоде: история Покровской на р. Удгоде церкви Буйского района Костромской области. Ярославль: Филигрань; *Смирнов А. А.* (2023). Шагнувшие в бессмертие. Ярославль: Филигрань.

книг о прошлом к локальной истории, отличающейся от других исследовательских направлений эмпирическим характером историописания и отсутствием порой навязчивого диктата идеологии, социологических схем и обличительных ударов, травмирующих историческую память соотечественников.

Этот новый социальный запрос — часть современного культурного контекста исторической науки и образования, вполне предсказуемый результат их развития в последние три десятилетия. В какой-то момент отказ от квазимарксизма («марксизма-ленинизма») и формационного подхода отбросил маятник «часового механизма» методологии отечественной истории к нулевой точке, откуда его уже с неистовой силой качнуло в постмодернизм, воспринятый многими как отказ от исторической правды и научной истины. Тогда же выход в свет многотомных изданий рассекреченных документов Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ-НКВД³ кардинально повлиял на всю оптику видения советского прошлого с плюса на минус. Как минимум в пространстве публичной истории стали доминировать негативные историографические образы СССР и советского народа⁴. Стремлением удовлетворить потребность науки и общества в более объемной документальной и теоретической проработке исследовательской проблематики российской цивилизации и аграрного строя как ее основы отличалось современное крестьяноведение⁵.

Одним из его достижений последних лет стало формирование сельского краеведения, нового исследовательского направления, которому придается большое научно-образовательное значение⁶. Его задачи и познавательные возможности отвечают вызовам времени и Концепции национальной безопасности — воспитанию личности, ощущающей и осознающей свою сопричастность к родной истории, уважающей жизненный опыт и духовный подвиг предшествующих поколений соотечественников. Решению именно этой, со всей очевидностью патриотической задачи посвящен рецензируемый сборник документов, автором-составителем которого является историк с педагогическим опытом сельского школьного учителя. «Представленная читателю книга — это мой

3. *Тархова Н. В.* (2006). История российского крестьянства в серийных документальных публикациях 1990–2000-х гг. // Новый исторический вестник. № 1 (14). С. 60–71.
4. *Образы историографии* (2000). Сборник статей / науч. ред. А. П. Логунов. М.: РГГУ.
5. *Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке* (2015) / под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия.
6. *Толстов С. И.* (2023). О сельском краеведении замолвили слово // Цивилизационные и конституционные основы российской государственности: сб. науч. тр. Межвуз. науч.-практ. конф. 22 июня 2023 г., г. Москва / ЧУ ВО «ИГА». М.: Юстицинформ. С. 161–169.

памятник всем моим землякам — великим труженикам советской деревни» (с. 5).

Возникает естественное сомнение, не приводит ли этот благородный замысел к очередному историческому вымыслу, поскольку публикация документов заключает в себе не менее коварную ловушку тенденциозности, чем их интерпретация в исследовательском тексте. Не на пустом месте родилось выражение: «Историк создает свой источник». К краеведческому не академическому изданию документов предъявляются те же строгие требования концептуального характера, задается тот же вопрос о репрезентативности проработанной автором-составителем источниковой базы.

Смирнов предельно лаконичен в высказываниях на этот счет, что все же позволяет выделить в его работе несколько принципов, обеспечивших научную объективность созданного им документально-локального образа советской деревни. В их числе — отстраненность составителя от известных историографических моделей советского прошлого; отсутствие оценочного комментария; полнота информации, выраженная в количественной и качественной репрезентативности документов; охват информацией разных сторон колхозной жизни; активное использование биографических сведений о земляках, включая историю собственного рода. Организующей весь материал издания идеей автор считает историческую преемственность поколений: «Одно должно быть понятно, чтобы так жить, как мы живем сегодня, надо было пройти тот путь, который прошли наши предки в прошлом...» (с. 4).

Отмеченные принципы — производное от методологических установок автора-составителя, его взгляда на исторический процесс. Он не декларируется в книге, как это принято в академических изданиях, но вполне отчетливо проступает в контексте.

Несмотря на событийно-фактологическое содержание сборника, предметом документального исследования Смирнова является социально-психическое, на что указывает эпиграф книги — слова Н. М. Карамзина об отражении в исторических фактах народной души. Об этом же свидетельствуют информативные возможности источников, позволяющие составить отчетливое представление о константах и переменных крестьянской ментальности в изменявшихся экономических и политических условиях деревенской жизни. Многое о характере, потребностях и настроениях сельских жителей Покровской волости рассказывают их многочисленные фотографии — портреты и групповые снимки. Подходы автора к подбору документов обеспечили социально-психологическую направленность исторического исследования. Позитивистское отношение Смирнова к ценности исторического факта, который сам по себе способен многое объяснить вдумчивому исследователю, сочетается с восприятием источника как результата психической деятельности человека, со стремлением не столько

объяснить, сколько понять прошлое, что ему удастся посредством актуализации в своем сознании исторической памяти, памяти рода и семьи.

Вот как Смирнов пишет об этом: «Прожив больше пятидесяти лет в лесном поселке, я хорошо знаком с жизнью сельских тружеников. Мы с детства были приучены к труду. Вспоминаю, как я был горд, когда на сенокосе встал на покос за отцом, а за мной вел покос мой дедушка. Старался не отстать от отца и не задерживать деда. Да, мой покос был вполонину меньше, чем у взрослых, но и мне было всего 13 лет. Поэтому, когда знакомился с архивными документами, судьбами людей, мне многое было понятно и знакомо в их жизни, я старался прожить вместе с ними те события, участниками которых они были» (с. 5). В источниковедческом опыте составителя сборника органично соединилось то, что в строго методологических раскладах признается труднодостижимым⁷, и это заставляет оценить рецензируемую книгу как культурный артефакт.

Методология сборника перекликается с тем, чему В. О. Ключевский учил своих студентов: «В исторических явлениях <...> рядом с временным, относительным и преходящим всегда есть элементы внутренние и постоянные, которые поэтому должны быть ценимы и понимаемы всеми одинаково во всякое время <...> Как скоро нашей мысли дается такое понимание, исторические факты тотчас становятся наряду с теми историческими явлениями, которые не нуждаются в нашем оправдании или осуждении; они совершаются, не спрашиваясь, приятны ли они нам или неприятны, и совершаются потому, что не совершиться не могут»⁸.

Заняв такую фундаментальную позицию, можно избежать когнитивного диссонанса между научной объективностью и духовным содержанием документального исследования, что и демонстрирует сборник. Задуманный как мемориальное произведение, как памятник великому подвигу колхозного крестьянства, адресованный землякам, он заключает в себе богатые возможности для историка-исследователя, заинтересованного в разработке сюжетов и проблем в русле современного крестьяноведения.

Исследователь обязательно найдет среди документов не только иллюстрирующий его мысль материал, он обнаружит оригинальные сюжеты и редко встречающуюся информацию. Достаточно привести несколько примеров, чтобы убедиться в этом.

Тема дезертирства крестьян при мобилизации в Красную армию нашла емкое воплощение в подборке источников (с. 10–14). Здесь есть сведения о насильственном характере мобилизационной

7. *Каравашкин А. В., Юрганов А. Л.* (2005). Регион Докса. Источниковедение культуры. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. С. 156–163.

8. *Ключевский В. О.* (1997). Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве. 1872–1875 гг. / под ред. В. А. Киреевой и А. Ф. Киселева. М.: Владос. С. 559.

политики большевиков — за уклонение от службы и укрывательство дезертиров устанавливались карательные меры от наложения штрафа, лишения «нормированных продуктов», конфискации движимого и недвижимого имущества и вплоть до расстрела. Но также можно наблюдать ментальный конфликт между введением местной уездной комиссией по борьбе с дезертирством общинного принципа круговой ответственности, штраф налагался на село, и противоположной установкой крестьян на личную ответственность виновных, более согласующуюся с их пониманием справедливости (с. 13–14). В этом же сюжете обнаруживается то, что на языке крестьяноведения называют «оружием слабых» — обыденные формы сопротивления давлению властей в виде бойкота распоряжений власти⁹. «28 апреля 1919 г. на граждан д. Горлово был наложен штраф 1000 рублей за укрывательство дезертиров. 1 мая 1919 г. состоялось общее собрание граждан селения Горлово, на котором было принято решение: “Платить не будем, так как дезертиров мы не скрываем, они сами самовольно скрываются, где им вздумается, и уследить селение не в силах”. Печать Горловского комитета бедноты и подписи граждан селения» (с. 14).

Максимально информативные источники, например «Акты описи крестьянского имущества в связи с неуплатой сельскохозяйственного налога 1923 г.», иллюстрируют жесткий административный порядок наказания за этот проступок и одновременно свидетельствуют о низком уровне имущественной обеспеченности крестьянских дворов (с. 21–22). Также мимо внимания историка-аграрника не пройдет информация о том, как крестьяне одной из деревень распорядились полученными бывшими помещичьими землями: завели на них традиционное землепользование — чересполосицу, трехпольный севооборот и никто «не выделился» на хутора, то есть сохранили общинный порядок (с. 17), что было характерно в то время для северных, лесных районов¹⁰.

Под давлением сложных обстоятельств 1920-х годов власть использовала некоторые элементы традиционного крестьянского самоуправления. В каждом сельском обществе из числа активных и сознательных деревенских жителей назначался, иногда помимо его желания, сельский исполнитель. Он был главной опорой волостного милиционера и по должности напоминал сельского старосту, служил связующим звеном между административно-

9. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015) / под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия. С. 64, 69, 508; *Бабашкин В. В.* (2024). История России. Крестьянская революция 1902–1935 гг.: закономерности и особенности отечественной модернизации: учебное пособие для вузов. СПб.: Лань. С. 54–55, 94.

10. *Саблин В. А.* (2006). Крестьянский двор на Европейском Севере России в 1917–1920-е годы. Автореф. д.и.н. Архангельск. С. 28–30.

исполнительной местной властью и крестьянским миром (с. 35–36). Делопроизводственная документация сельских советов за 1928–1929 годы убеждает в том, что конституционные структуры и порядок их формирования не противоречили крестьянским понятиям и обычаю — в Ново-Покровской волости повсеместно жители доверили реализацию новых законов крестьянам средней зажиточности и бедноте, в основном 20–30-летним беспартийным мужчинам. На собрания послушать отчеты сельских советов приходило не менее трети жителей, задававших десятки вопросов (с. 51–56).

Для кого-то изучение документов сборника нарушит сложившуюся в его сознании черно-белую картину Гражданской войны на селе, поколеблет некоторые стереотипы восприятия политических явлений. Так, источник информирует об административном аресте и временном отстранении от должности, ни больше ни меньше, как военного комиссара волости, «не донесшего своевременно о проживающих в районе волости дезертирах» (с. 12). Или другой случай: уездный съезд сельских комбедов признал отсутствие в деревнях «большого отпора со стороны кулаков...», тем более что свою главную задачу буйские комбеды видели в том, чтобы не допустить повторения голода 1917 года, а именно устранить его причины, «вести учет посеянного и убранного хлеба» (с. 15). Вместе с тем «из песни слов не выкинешь», и Смирнов дополнил приведенную цитату своим наблюдением над содержанием всего документа о том, что председатель съезда большую часть выступления все же посвятил рассуждениям о международной обстановке, закончив призывом к мировой пролетарской революции (с. 15).

Отчетные ведомости об имуществе школ Покровской волости информируют о плохой обеспеченности органов народного образования самым необходимым накануне масштабных культурных преобразований советской власти на селе. Из воспоминаний врача узнаем о том, как открывались медпункты в центральных усадьбах сельских обществ в начале 1920-х годов, как сельской интеллигенции приходилось самоотверженным трудом завоевывать доверие крестьян, не сразу отказавшихся от помощи деревенских знахарей и бабок-повитух (с. 33–35). Врачи и фельдшеры не только принимали и лечили больных, но вели широкую просветительскую работу, а также организационную по содержанию медпунктов, наполнению их оборудованием и медикаментами.

Картины сельской повседневной жизни складываются в сознании читателя очень естественно, благодаря подобранным документам. Возможно, вызовет удивление факт того, что в 1926 году в Ново-Покровской волости на 77 сел (почти 2 тыс. дворов и 10 тыс. крестьян) был только один винный магазин, а «тайное винокурение» хотя и было, но в совершенно незначительных объемах — традиционно для свадьбы и похорон; что за мат

и крик в публичном месте жителей реально штрафовали, причем если это нарушение общественного порядка происходило в присутствии молодежи, то сумма штрафа увеличивалась на треть (с. 37). Тема заботы крестьян о культуре поведения подрастающего поколения проходит сквозь весь сборник, как и другие сквозные сюжеты: административные, социальные, производственные, экономические, имущественные, бытовые взаимоотношения людей российской глубинки представлены в сборнике в их развитии на протяжении более ста лет истории — с 1917 до 2010 года.

Погружаясь в этот мир, исследователь сможет уловить разницу между историческим временем и наступившим в 1990-е годы в лесных поселках Покрова на Удгоде безвременьем, вследствие разрушения колхозов, служивших в советские десятилетия центрами организации всей жизнедеятельности на селе, державшими крестьянский мир подобно дореволюционным общинам. Неестественный процесс угасания экономического потенциала колхозов отразился в протоколах их собраний, а затем в протоколах собраний уже последовательно сменявших друг друга организаций — ТОО, СХК, МУП, ОАО, ООО (с. 400–416).

Возвращаясь к мысли о том, что книга «Поставьте памятник деревне...» сама представляет собой культурный артефакт, обусловленный сложившейся историографической ситуацией, заметим, что встречающиеся в ней недочеты типичны для краеведческих изданий. Им свойственны, например, досадные пропуски полного указания на использованный информационный ресурс или отсутствие научно-справочного аппарата, именного указателя — непременных свойств академических изданий. Можно упрекнуть автора за недостаточную проработанность комментария к таким сложным или дискуссионным сюжетам, как землеустройство в ходе реализации Декрета о земле, или антибольшевистские крестьянские выступления, которыми отметилась Костромская губерния¹¹, или попытки крестьян разрушить земледельческие коммуны, созданные городскими пролетариями, и др.

Возможный ответ на них предсказуем: книга адресована землякам и написана с мемориальными целями. Но в этом проявляется недооценка краеведами результатов собственного труда, в данном случае объемного и богатого научно значимой информацией издания. Тем самым подтверждается своевременность уже прозвучавших в среде профессиональных историков-исследователей призывов к тому, чтобы, во-первых, способствовать

11. Лапшина М. А. (1998). Гражданская война в Костромской губернии // Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып. 4. Кострома. С. 194–217.

распространению историко-краеведческих сведений в широком, не ограниченном местными территориальными рамками, публичном пространстве; во-вторых, помогать научно-методологическому сопровождению подобных изданий¹².

Л. М. Архипова
«Нравственная
жизнь требует па-
мяти о прошлом»...

“Moral life needs memories of the past”

Review of the book: Smirnov A. A. (2024) “Erect a Monument to the Village...”, Yaroslavl: Filigree, 448 p.

Lyubov M. Arkhipova, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. Respublikanskaya St., 108, Yaroslavl, 150000. E-mail: Lubov.a2011@yandex.ru

12. *Бабашкин В. В.* (2017). Русская революция и сельское краеведение // Великая российская революция 1917 года: историко-философский анализ: материалы Междунар. науч.-практ. конференции (Балашиха 21 февр. 2017 г.) / Рос. гос. аграр. заоч. ун-т. Балашиха. С. 5–8; *Толстов С. И.* О сельском краеведении замолвили слово. С. 164, 166.